

Д.В. Давыдов

**Дневник партизанских
действии 1812 года**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д13

Д13 **Давыдов Д.В.**
Дневник партизанских действия 1812 года / Д.В. Давыдов – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 102 с.

ISBN 978-5-424-11886-9

ISBN 978-5-424-11886-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Д.В. Давыдов, 2021

Дневник партизанских действий 1812 года

В 1807 по 1812 год я был адъютантом покойного князя Петра Ивановича Багратиона. В Пруссии, в Финляндии, в Турции; везде близ стремя сего блистательного полководца. Когда противные обстоятельства отрывали его от действовавших армий, тогда он, по желанию моему, оставлял меня при них;

так

я прошел курс аванпостной службы при Кульневе в 1808 году в Северной Финляндии и при нем же в Турции в 1810 году, во время предводительства графа Каменского.

В 1812 году поздно было учиться. Туча бедствий налегла на отечество, и каждый сын его обязан был платить ему наличными сведениями и способностями.

Я просил у князя позволение стать в рядах Ахтырского гусарского полка. Он похвалил мое рвение и писал о том к военному министру. 8-го апреля я был переименован в подполковника с назначением в Ахтырский гусарский полк, расположенный тогда близ Луцка. 18-го мая мы выступили в поход к Бресту-Литовскому.

Около 17-го июня армия наша находилась в окрестностях Волковиска; полк наш

находился в Заблудове, близ Белостока.

Семнадцатого июня началось отступление. От сего числа до назначения меня партизаном я находился при полку; командовал первым батальоном оного[2], был в сражениях под Миром, Романовым, Дашковкой и во всех аванпостных сшибках, до самой Гжати.

Видя себя полезным отечеству не более рядового гусара, я решился просить себе отдельную команду, несмотря на слова, произносимые и превозносимые посредственностью: никуда не проситься и ни от чего не отказываться.

Напротив, я всегда уверен был, что в ремесле нашем тот только выполняет долг свои, который переступает за черту свою, не равняется духом, как плечами, в шеренге с товарищами, на все напрашивается и ни от чего не отказывается.

При сих мыслях я послал к князю Багратиону письмо следующего содержания:

"Ваше сиятельство! Вам известно, что я, оставя место адъютанта вашего, столь лестное для моего самолюбия, и вступя в гусарский полк, имел предметом партизанскую службу и по силам лет моих, и по опытности, и, если

смею сказать, по отваге моей. Обстоятельства ведут меня по сие время в рядах моих товарищей, где я своей воли не имею и, следовательно, не могу ни предпринять, ни исполнить ничего замечательного. Князь! Вы мой единственный

благодетель; позвольте мне предстать к вам для объяснений моих намерений; если они будут вам угодны, употребите меня по желанию моему и будьте надежны, что тот, который носил звание адъютанта Багратиона пять лет сряду,

тот поддержит честь свою со всею ревностию, какой бедственное положение любезного нашего отечества требует. Денис Давыдов".

Двадцать первого августа князь позвал меня к себе[3]; представ к нему, я объяснил ему выгоды партизанской войны при обстоятельствах того времени: "Неприятель идет одним путем, - говорил я ему, - путь сей протяжением своим

вышел из меры; транспорты жизненного и боевого продовольствия неприятеля

покрывают пространство от Гжати до Смоленска и далее. Между тем обширность

части России, лежащей на юге Московского пути, способствует изворотам не только партий, но и целой нашей армии. Что делают толпы казаков при авангарде?

Оставя достаточное число их для содержания аванпостов, надо разделить остальное на партии и пустить их в средину каравана, следующего за Наполеоном. Пойдут ли на них сильные отряды? - Им есть довольно просто-ра,

чтобы избежать поражения. Оставят ли их в покое? - Они истребят источник силы и жизни неприятельской армии. Откуда возьмет она заряды и пропитание?

- Наша земля не так изобильна, чтобы придорожная часть могла пропитать двести тысяч войска; оружейные и пороховые заводы - не на Смоленской дороге. К тому же обратное появление наших посреди рассеянных от войны поселян ободрит их и обратит войсковую войну в народную. Князь! откровенно

вам скажу: душа болит от вседневных параллельных позиций! Пора видеть, что

они не закрывают недра России. Кому не известно, что лучший способ защищать

предмет неприятельского стремления состоит не в параллельном, а в перпендикулярном или, по крайней мере, в косвенном положении армии относительно к сему предмету? И потому, если не прекратится избранный Барклаем и продолжаемый светлейшим род отступления, - Москва будет взята,

мир в ней подписан, и мы пойдем в Индию сражаться за французов!.. [4] Я теперь обращаюсь к себе собственно: если должно непременно погибнуть, то лучше я лягу здесь! В Индии я пропаду со ста тысячами моих соотечественников, без имени и за пользу, чуждую России, а здесь я умру под знаменами независимости, около которых столпятся поселяне, ропщущие на насилие и безбожие врагов наших... А кто знает! Может быть, и армия, определенная действовать в Индии!.."

Князь прервал нескромный полет моего воображения; он пожал мне руку и сказал: "Нынче же пойду к светлейшему и изложу ему твои мысли".

Светлейший в то время отдыхал. До пробуждения его вошли к князю Василий и

Дмитрий Сергеевичи Ланские, которым он читал письмо, полученное им от графа

Ростопчина, в котором сказано было: "Я полагаю, что вы будете драться, прежде нежели отдадите столицу; если вы будете побиты и подойдете к

Москве,

я выйду из нее к вам на подпору со ста тысячами вооруженных жителей; если и

тогда неудача, то злодеям вместо Москвы один ее пепел достанется". Это намерение меня восхитило. Я видел в исполнении одного сигнал общего ополчения.

Весь тот день светлейший был занят, и потому князь отложил говорить ему обо мне до наступающего дня. Между тем мы подошли к Бородину. Эти поля, это село мне были более, нежели другим, знакомы! Там я провел и беспечные лета

детства моего и ощутил первые порывы сердца к любви и к славе. Но в каком виде нашел я приют моей юности! Дом отеческий одевался дымом биваков; ряды

штыков сверкали среди жатвы, покрывавшей поля, и громады войск толпились на

родимых холмах и долинах. Там, на пригорке, где некогда я резвился и мечтал, где я с алчностью читывал известия о завоевании Италии Суворовым,

о

перекатах грома русского оружия на границах Франции, - там закладывали редут Раевского [5]; красивый лесок перед пригорком обращался в засеку и кипел егерями, как некогда стаею гончих собак, с которыми я носился по мхам и болотам. Все переменялось! Завернутый в бурку и с трубкою в зубах, я лежал под кустом леса за Семеновским, не имея угла не только в собственном доме, но даже и в овинах, занятых начальниками. Глядел, как шумные толпы солдат разбирали избы и заборы Семеновского, Бородина и Горок для строе-

ния

биваков и раскладывания костров... Слезы воспоминания сверкнули в глазах моих, но скоро осушило их чувство счастья видеть себя и обоих братьев своих

вкладчиками крови и имущества в сию священную лотерею!

Так как 2-я армия составляла левый фланг линии, то князь остановился в Семеновском. Вечером он прислал за мною адъютанта своего Василия Давыдова и

сказал мне: "Светлейший согласился послать для пробы одну партию в тыл французской армии, но, полагая успех предприятия сомнительным, назначает

только пятьдесят гусар и сто пятьдесят казаков; он хочет, чтобы ты сам взялся за это дело". Я отвечал ему: "Я бы стыдился, князь, предложить опасное предприятие и уступить исполнение этого предприятия другому. Вы сами знаете, что я готов на все; надо пользу - вот главное, а для пользы - людей мало!" - "Он более не дает!" - "Если так, то я иду и с этим числом; авось либо открою путь большим отрядам!" - "Я этого от тебя и ожидал, - сказал князь, - впрочем, между нами, чего светлейший так опасается? Стоит ли торговаться несколькими сотнями людей, когда дело идет о том, что, в случае удачи, он может разорить у неприятеля и заведения, и подвязы, столь для него необходимые, а в случае неудачи лишится горстки людей? Как же быть! Война ведь не для того, чтобы целоваться". - "Верьте, князь, -

отвечал я ему, - ручаюсь честью, что партия будет цела; для сего нужны только при отважности в залетах - решительность в крутых случаях и неусыпность на привалах и ночлегах; за это я берусь... только, повторяю, людей мало; дайте мне тысячу казаков, и вы увидите, что будет". - "Я бы тебе дал с первого разу три тысячи, ибо не люблю ощущую дела делать, но об этом нечего и говорить; фельдмаршал сам назначил силу партии; надо повиноваться".

Тогда князь сел писать и написал мне собственной рукой инструкцию, также письма к генералам Васильчикову и Карпову: одному, чтобы назначил мне лучших гусаров, а другому - лучших казаков; спросил меня: имею ли карту Смоленской губернии? У меня ее не было. Он дал мне свою собственную и, благословя меня, сказал: "Ну, с богом! Я на тебя надеюсь!" Слова эти мне очень памятливы!

Двадцать третьего рано я отнес письмо к генерал-адъютанту Васильчикову. У него много было генералов. Не знаю, как узнали они о моем назначении; чрез окружавших ли светлейшего, слышавших разговор его обо мне с князем, или чрез окружавших князя, стоявших пред овином, в котором он мне давал наставления? Как бы то ни было, но господа генералы встретили меня шуткою: "Кланяйся Павлу Тучкову [6], - говорили они, - и скажи ему, чтобы он уговорил тебя не ходить в другой раз партизанить". Однако если некоторым из них гибель моя представлялась в любезном виде, то некоторые соболезнавали о

моей участи, а вообще все понимали, что жить посреди неприятельских войск и

заведений с горстью казаков - не легкое дело, особенно человеку, который почитался ими и остряком, и поэтом, следственно, ни к чему не способным. Прошу читателя привести на память случай сей, когда я сойду с армией под Смоленском.

Вышедши от Васильчикова, я отправился за гусарами к Колоцкому монастырю,

куда тот день отступал арьергард наш под командою генерала Коновницына. Проехав несколько верст за монастырь, мне открылась долина битвы.

Неприятель ломил всеми силами, гул орудий был неразрывен, дым их мешался с

дымом пожаров, и вся окрестность была как в тумане. Я с арьергардом ночевал

у монастыря, полагая назавтра отобрать назначенных мне гусаров и ехать за казаками к Карпову, находившемуся на оконечности левого фланга армии.

Но 24-го, с рассветом, началось дело с сильнейшею яростью. Как оставить пир, пока стучат стаканами? Я остался. Неприятель усиливался всеминутно. Грозные тучи кавалерии его окружали фланги нашего арьергарда, в одно время

как необозримое число орудий, размещенных пред густыми пехотными громадами,

быстро подвигались прямо на него, стреляя беглым огнем непрерывно. Бой ужасный! Нас обдавало градом пуль и картечей, ядра рыли колонны наши по всем направлениям... Кости трещали! Коновницын[7] отослал назад пехоту с

тяжелою артиллерией и требовал умножения кавалерии. Уваров прибыл с своею и великодушно поступил под его начальство. Я сам слышал, как он сказал ему: "Петр Петрович, не то время, чтобы считаться старшинством; вам поручен арьергард, я прислан к вам на помощь, - приказывайте!" Такие черты забываются, зато долго помнят каждую погрешность

против правил французского языка истинного россиянина! Но к славе нашего

отечества, это не один пример: Багратион, после блистательного отступления своего без ропота поступивший под начальство Барклая в Смоленске; Барклай,

поступивший под начальство Витгенштейна в Бауцене; Витгенштейн, поступивший

снова под начальство Барклая во время и после перемирия; и прежде сего, в Италии, под Лекко, - Милорадович, явившийся под команду младшего себя по службе Багратиона, - представляют возвышенность в унижении, достойную героических времен Рима и Греции!

Я прерываю описание жестоких битв армии. Не моя цель говорить о сражениях,

представленных уже во многих сочинениях, известных свету; я предпринял описание поисков моей партии, к ним и обращаюсь.

Получа пятьдесят гусаров и вместо ста пятидесяти - восемьдесят казаков и взяв с собою Ахтырского гусарского полка штабс-ротмистра Бедрягу 3-го, поручиков Бекетова и Макарова и с казацкой командой - хорунжих Талаева и Григория Астахова, я выступил чрез село Сивково, Борис-Городок - в село Егорьевское, а оттуда на Медынь - Шанский завод - Азарово - в село Скугорево. Село Скугорево расположено на высоте, господствующей над

окрестностями, так что в ясный день можно обозреть с нее на семь или восемь верст пространства. Высота сия прилегает к лесу, простирающемуся почти до Медыни. Посредством сего леса партия моя могла скрывать свои движения и, в случае поражения, иметь в нем убежище. В Скугореве я избрал первый притон.

Между тем неприятельская армия стремилась к столице. Несчетное число обозов, парков, конвоев и шаек мародеров следовало за нею по обеим сторо-

нам дороги, на пространстве тридцати или сорока верст. Вся эта сволочь, пользуясь безначалием, преступала все меры насилия и неистовства. Пожар разливался по сей широкой черте опустошения, и целые волости с остатком своего имущества бежали от сей всепожирающей лавы, куда - и сами не ведали.

Но чтобы яснее видеть положение моей партии, надобно взять выше: путь наш становился опаснее по мере удаления нашего от армии. Даже места, не прикосновенные неприятелем, немало представляли нам препятствий. Общее

и добровольное ополчение поселян преграждало путь нам. В каждом селении ворота были заперты; при них стояли стар и млад с вилами, кольями, топора-

ми

и некоторые из них с огнестрельным оружием. К каждому селению один из нас принужден был подъезжать и говорить жителям, что мы русские, что мы пришли

на помощь к ним и на защиту православных церквей. Часто ответом нам был выстрел или пущенный с размаха топор, от ударов коих судьба спасла нас[8]. Мы могли бы обходить селения; но я хотел распространить слух, что войска возвращаются, утвердить поселян в намерении защищаться и склонить их к немедленному извещению нас о приближении к ним неприятеля, почему с каждым

селением продолжались переговоры до вступления в улицу. Там сцена переменялась; едва сомнение уступало место уверенности, что мы русские, как

хлеб, пиво, пироги подносились были солдатам.

Сколько раз я спрашивал жителей по заключении между нами мира: "Отчего вы

полагали нас французами?" Каждый раз отвечали они мне: "Да видишь, родимый (показывая на гусарский мой ментик), это, бают, на их одежду схожо". - "Да разве я не русским языком говорю?" - "Да ведь у них всякого сбора люди!" Тогда я на опыте узнал, что в Народной войне должно не только говорить языком черни, но приравниваться к ней и в обычаях и в одежде[9]. Я надел мужичий кафтан, стал отпускать бороду, вместо ордена св. Анны повесил образ

св. Николая[10] и заговорил с ними языком народным.

Но сколь опасности сии были ничтожны перед ожидавшими нас на пространстве,

занимаемом неприятельскими отрядами и транспортами! Малолюдность партии в

сравнении с каждым прикрытием транспорта и даже с каждою шайкой мародеров;

при первом слухе о прибытии нашем в окрестности Вязьмы, сильные отряды, нас

ищущие; жители, обезоруженные и трепещущие французов, следовательно, близкие

нескромности, - все угрожало нам гибелью.

Дабы избежать ее, день мы проводили на высотах близ Скугорева, скрытно

и

зорко; перед вечером, в малом расстоянии от села, раскладывали огни; перейдя гораздо далее, в месте, противном тому, где определяли ночлег, раскладывали другие огни и наконец, войдя в лес, проводили ночь без огня. Если случалось в сем последнем месте встретить прохожего, то брали его и содержали под надзором, пока выступали в поход. Когда же он успевал скрыться, тогда снова переменяли место. Смотря по расстоянию до предмета, на который намеревались учинить нападение, мы за час, два или три до рассвета подымались на поиск и, сорвав в транспорте неприятеля, что по силе, обращались на другой; нанеся еще удар, возвращались окружными дорогами к спасительному нашему лесу, коим мало-помалу снова пробира-

лись к

Скугореву.

Так мы сражались и кочевали от 29-го августа до 8-го сентября. Так, полагаю я, начинал Ермак, одаренный высшим против меня дарованием, но сражавшийся

для тирана, а не за отечество. Не забуду тебя никогда, время тяжкое! И прежде, и после я был в жестоких битвах, провождал ночи стоя, приклонясь к седлу лошади и рука на поводьях... Но не десять дней, не десять ночей сряду, и дело шло о жизни, а не о чести.

Узнав, что в село Токарево пришла шайка мародеров, мы 2-го сентября на рассвете [11] напали на нее и захватили в плен девяносто человек, прикрывавших обоз с ограбленными у жителей пожитками. Едва казаки и крестьяне занялись разделением между собою добычи, как выставленные за селением скрытные пикеты наши дали нам знать о приближении к Токареву другой шайки мародеров. Это селение лежит на скате возвышенности у берега

речки Вори, почему неприятель несколько не мог нас приметить и шел прямо без малейшей осторожности. Мы сели на коней, скрылись позади изб и за несколько саженей от селения атаковали его со всех сторон с криком и стрельбою, ворвались в средину обоза и еще захватили семьдесят человек в плен.

Тогда я созвал мир и объявил ему о мнимом прибытии большого числа наших войск на помощь уездов Юхновского и Вяземского; роздал крестьянам взятые

у

неприятеля ружья и патроны, уговорил их защищать свою собственность и дал наставление, как поступать с шайками мародеров, числом их превышающих. "Примите их, - говорил я им, - дружелюбно, поднесите с поклонами (ибо, не зная русского языка, поклоны они понимают лучше слов) все, что у вас есть съестного, а особенно питейного, уложите спать пьяными и, когда приметите, что они точно заснули, бросьтесь все на оружие их, обыкновенно кучею в

углу

избы или на улице поставленное, и совершите то, что бог повелел совершать

с

врагами христовой церкви и вашей родины. Истребив их, закопайте тела в хлеву, в лесу или в каком-нибудь непроходимом месте. Во всяком случае, берегитесь, чтобы место, где тела зарыты, не было приметно от свежей, недавно вскопанной земли; для того набросайте на него кучи камней, бревен, золы или другого чего. Всю добычу военную, как мундиры, каски, ремни и прочее, - все жгите или зарывайте в таких же местах, как и тела французов. Эта осторожность оттого нужна, что другая шайка басурманов, верно, будет рыться в свежей земле, думая найти в ней или деньги, или ваше имущество; но, отрывши вместо того тела своих товарищей и вещи, им принадлежавшие,

вас

всех побьет и село сожжет. А ты, брат староста, имей надзор над всем тем, о чем я приказываю; да прикажи, чтобы на дворе у тебя всегда были готовы три или четыре парня, которые, когда завидят очень многое число французов, садились бы на лошадей и скакали бы врознь искать меня, - я приду к вам на

помощь. Бог велит православным христианам жить мирно между собою и не выдавать врагам друг друга, особенно чадам антихриста, которые не щадят и храмы божии! Все, что я вам сказал, перескажите соседям вашим".

Я не смел дать этого наставления письменно, боясь, чтобы оно не попало в руки неприятеля и не уведомило бы его о способах, данных мною жителям для истребления мародеров.

После сего, перевязав пленных, я определил к ним одного урядника и девять казаков, к которым присоединил еще двадцать мужиков. Весь этот транспорт отправлен был в Юхнов для сдачи городскому начальству под расписку [12]. Казакам сим я приказал дожидаться партии в Юхнове, уверясь, что по ее малолюдству мне нельзя будет оставаться долго в местах, неприятелем наполненных. Однако мне хотелось испытать еще судьбу с горстью моих товарищей и побороться с невозможностью; а так как обязанность моя не состояла в поражении бродяг, но в истреблении транспортов жизненного и военного продовольствия французской армии, то я, по распространении наставления, данного мною токаревским крестьянам, по всем селениям, чрез которые проходила партия моя, взял направление к Цареву-Займищу, лежащему

на столбовой Смоленской дороге.

Был вечер ясный и холодный. Сильный дождь, шедший накануне, прибил пыль по

тропинке, кою мы следовали связно и быстро. В шести верстах от села попался нам разъезд неприятельский, который, не видя нас, шедших ложиною вдоль опушки леса, беззаботно продолжал путь свой. Если бы я не имел нужды

в верном известии о Цареве-Займище, занимаемо ли оно войском и какой оно силы, я бы пропустил разъезд этот без нападения, опасаясь, в случае упущения одного из разъездных, встревожить отряд или прикрытие транспорта,

в селе находившегося. Но мне нужен был язык, и потому я нарядил урядника Крючкова с десятью доброконными казаками наперехват вдоль по ложине, а других десять - прямо на разъезд. Разъезд, видя себя окруженным, остановился и сдался в плен без боя. Он состоял из десяти рядовых при одном унтер-офицере. Мы узнали, что в Цареве-Займище днюет транспорт с снарядами

и с прикрытием двухсот пятидесяти человек конницы.

Дабы пасть как снег на голову, мы свернули с дороги и пошли полями, скрываясь опушками лесов и по лошинам; но за три версты от села, при выходе

на чистое место, встретились с неприятельскими фуражирами, числом человек в

сорок. Увидя нас, они быстро обратились во всю прыть к своему отряду.

Тактические построения делать было некогда, да и нечем. Оставя при пленных тридцать гусаров, которые, в случае нужды, могли служить мне резервом, я с остальными двадцатью гусарами и семьюдесятью казаками помчался в погоню и

почти вместе с уходившими от нас въехал в Цареве-Займище, где застал всех

врасплох. У страха глаза велики, а страх неразлучен с беспорядком. Все рассыпалось при нашем появлении: иных мы захватили в плен, не только без оружия, но даже без одежды, иных вытащили из сараев; одна только толпа в тридцать человек вздумала было защищаться, но была рассеяна и положена на месте. Сей наезд доставил нам сто девятнадцать рядовых, двух офицеров, десять провиантских фур и одну фуру с патронами. Остаток прикрытия спасся

бегством.

Добычу нашу мы окружили и повели поспешно чрез село Климове и Кожине

в

Скугорево, куда прибыли в полдень 3-го числа.

Партия моя, быв тридцать часов непрерывно в походе и действии, требовала отдохновения, почему она до вечера 4-го числа оставалась на месте. Для облегчения лошадей я прибегнул к способу, замеченному мною на аванпостах генерала Юрковского еще в 1807 году. Исключив четыре казака для двух пикетов и двадцать - для резерва (который, хотя должен был находиться при партии, но всегда был в готовности действовать при первом выстреле пикетов), остальных девяносто шесть человек я разделил надвое и приказал в обеих частях расседлывать по две лошади на один час для промывтия и при-

сыпки

ссадин и также для облегчения. Чрез час сии лошади вновь седлались, а новые расседлывались; таким образом в двадцать четыре часа освежалось девяносто шесть лошадей. В тот же день, по просьбе резерва, я позволил и оному расседлывать по одной лошади на один час.

Пятого числа мы пошли на село Андреевское, но на пути ничего не взяли, кроме мародеров, числом тридцать человек.

Шестого мы обратились к Федоровскому (что на столбовой Смоленской дороге),

рассеяная вездешная наставление, данное мною токаревским крестьянам. На пути встретили мы бежавшего из транспорта наших пленных Московского пехотного

полка рядового, который нам объявил, что транспорт их из двухсот рядовых солдат остановился ночевать в Федоровском и что прикрытия оного состоит из пятидесяти человек. Мы удвоили шаг и едва показались близ села, как уже без помощи нашей все в транспорте сем приняло иной вид: пленные поступали в прикрытия, а прикрытия - в пленных.

Вскоре после сего я извещен был о пребывании в Юхнове дворянского предводителя, судов и земского начальства, также и о бродящих без общей цели двух слабых казачьих полках в Юхновском уезде. Известие сие немедленно

обратило меня к Юхнову, куда чрез Судейки, Луково и Павловское я прибыл 8-го числа.

Пришедши туда, я бросился к двум привлекавшим меня предметам: к образованию

поголовного ополчения и к присоединению к партии моей казацких полков, о коих я упомянул выше.

До первого достиг беспрепятственно: дворянский предводитель Семен Яко-

влевич

Храповицкий подал мне руку помощи со всею ревностью истинного сына Отечества. Сей почтенный старец не только оказал твердость духа, оставшись для примера дворянам с семейством своим на аванпостах Калужской губернии,

но ознаменовал особенную силу воли и неусыпную строгость в надзоре за принятыми им мерами к подъятию оружия жителями Юхновского уезда.

Отставной

капитан Бельский назначен был ими начальствовать. К нему присоединились двадцать два помещика; сто двадцать ружей, партией моей отбитые, и одна большая фура с патронами поступили для употребления первым ополчившимся,

которым сборное место я показал на реке Угре, в селе Знаменском.

Второе требовало со стороны моей некоторой хитрости: означенные казачьи полки были в ведении начальника калужского ополчения, отставного генерал-лейтенанта Шепелева [13]. Личное добродушие и благородство его мне

были давно известны, но я знал, что такое начальник ополчения, которому попадает в руки военная команда! Сколь таковое начальство льстит его самолюбию! На сем чувстве я основал предприятие мое. Уверен будучи, что требование сих полков в состав моей партии, если она останется от него независимую, будет без успеха, я сам будто бы добровольно поступил под его начальство. Еще из села Павловского я отправил к нему с рапортом поручика Бекетова. В рапорте я говорил, что, "избрав для поисков моих часть, смежную с губернией, находящуюся под ведением его превосходительства относительно

военных действий, я за честь поставляю служить под его командою и за долг

доносить о всем происходящем". Из Юхнова я послал другого курьера с описанием слабых успехов моих и с испрошением ходатайства его об отличившихся (истинные рапорты мои посылаемы были прямо к дежурному генералу всех российских армий Коновницыну). Добрый мой Шепелев растаял от

восхищения. Он уже возмечтал, что я действую по его плану, что он поражает

неприятеля! 9-го числа я послал к нему нового курьера с красноречивейшим описанием пользы единства в действии и, как следует, заключил рапорт покорнейшею просьбою об усилении меня казачьими полками, находящимися,

подобно партии моей, под его командою.

Во время продолжения дипломатической переписки моей я занимался рассылкою

через земское начальство предписаний о поголовном ополчении.

Между тем из двухсот отбитых нами пленных я выбрал шестьдесят не рослых, а

добрых солдат; за неимением русских мундиров одел их во французские мундиры и вооружил французскими ружьями, оставя им для приметы русские